

ДИАГНОЗ:
ГЕНИЙ

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

**ПСИХОАНАЛИЗ
ТВОРЧЕСТВА**

ЛЕОНАРДО ДА Винчи,
МИКЕЛАНДЖЕЛО,
ДОСТОЕВСКИЙ

Диагноз – гений

Зигмунд Фрейд

**Психоанализ творчества.
Леонардо да Винчи,
Микеланджело, Достоевский**

«Алисторус»

УДК 159.964
ББК 88.6

Фрейд З.

Психоанализ творчества. Леонардо да Винчи, Микеланджело,
Достоевский / З. Фрейд — «Алисторус», — (Диагноз – гений)

ISBN 978-5-90681779-2

В сборник произведений всемирно известного австрийского врача и мыслителя Зигмунда Фрейда включены работы, связанные общей темой — психоанализом художественного творчества. Фрейд дает оригинальные интерпретации шедевров Леонардо да Винчи, Микеланджело, Ф. М. Достоевского, выявляя в них ключевые фигуры авторского бессознательного, подлежащего рационализации и научно-философскому осмыслению.

УДК 159.964

ББК 88.6

ISBN 978-5-90681779-2

© Фрейд З.
© Алисторус

Содержание

Об авторе	6
Недовольство культурой	7
I	7
II	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Зигмунд Фрейд
Психоанализ творчества. Леонардо да
Винчи, Микеланджело, Достоевский

© ООО «ТД Алгоритм», 2016

Об авторе

Родился в городке Фрайберг в Моравии (тогда провинция Австрии) 6 мая 1856 г. Поступил на медицинский факультет Венского университета в 1873 г. Работал в терапевтической, психиатрической клиниках Вены, у Шарко – в Париже, у Бернхейма – в Нанси. В 1881 г. получил степень доктора медицины. Вместе с Йозефом Брейером разработал катартический метод лечения неврозов. В 1895 г. вышла их книга «Исследования истерий». От нее принято вести историю психоанализа. С 1902 г. – профессор Венского университета.

Более сорока лет посвятил разработке теории и практике психоанализа. Работы: «Толкование сновидений» (1899), «Психопатология обыденной жизни» (1901), «Тотем и табу» (1913), «Лекции по введению в психоанализ» (1917), «Психология масс и анализ человеческого “Я”» (1921), «“Я” и “Оно”» (1923), «Будущее одной иллюзий» (1927), «Неудовлетворенность в культуре» (1930) и другие. В 1930 г. удостоен Премии Гёте, в 1936 г. избирается иностранным членом Королевского научного общества (Лондон).

Фрейда называют и ученым, и провидцем, и основоположником нового направления в науке. С его именем связывают понятие бессознательного в психике человека. Его теория обогатила многие области современных знаний.

В 1938 г., после вторжения нацистов в Австрию, стал узником гетто. Его лишили паспорта, конфисковали имущество, библиотеку. Международное психоаналитическое общество пыталось выволить Фрейда. Фашисты потребовали выкуп. Одна из пациенток Фрейда, принцесса Мария Бонапарт, заплатила 100 тысяч шиллингов за его освобождение. Семья Фрейда переехала в Лондон, а четыре его сестры погибли в газовых камерах.

Умер в Лондоне 23 сентября 1939 г.

Недовольство культурой

I

Невозможно отрешиться от мысли, что обычно люди меряют все ложной мерой: они рвутся к власти, успеху и богатству, восхищаются теми, кто всем этим обладает, зато недооценивают истинные блага жизни. Правда, такое обобщение, как всегда, небезопасно; предается забвению многокрасочность человеческого мира и душевной жизни. Есть люди, которым не отказывают в почтении их современники, хотя все их величие покоится на таких свойствах и деяниях, которые совершенно чужды целям и идеалам толпы. Допустим, что великими их признает тоже меньшинство, тогда как подавляющее большинство ничего не желает о них знать; но и тут не все так просто, если учесть расхождение человеческих слов и дел, многообразие людских желаний.

Один из этих замечательных людей в письмах называет меня своим другом. Я послал ему свою небольшую работу, где религия расценивается как иллюзия. Он отвечал мне, что был бы целиком согласен с моей оценкой, но жалеет, что я не воздал должного подлинному источнику религиозности. Таковым он считает особое чувство, никогда его не покидающее, обнаруживаемое им у многих других и, предположительно, присущее миллионам. Это чувство он называет «ощущением вечности», чувством чего-то безграничного, бескрайнего, «океанического». Такое чувство – дело чисто субъективное, это не вопрос веры. Здесь не примешивается обещание личного бессмертия, но зато в этом чувстве – источник религиозной энергии, питающей различные церкви и религиозные системы. Они направляют его по определенным каналам, где оно и поглощается. Лишь на основании такого «океанического» чувства человек может называть себя религиозным, даже если он отвергает всякую веру и любую иллюзию.

Это суждение моего уважаемого друга, который сам однажды отдал дань волшебству поэтической иллюзии, поставило меня перед лицом немалых трудностей (после появления обеих книг – «Жизнь Рамакришны» и «Жизнь Вивекананды» – мне нет нужды скрывать, что упомянутым другом является Ромен Роллан. – Прим. авт.). У себя я не нахожу этого «океанического» чувства; научному подходу чувства вообще создают неудобства. Можно попытаться описать их физиологические признаки. Там, где это получается, – а я опасаясь, что «океаническое» чувство такой характеристике не поддается, – не остается ничего, кроме содержания тех представлений, которые ассоциативно связаны с этим чувством. Если я правильно понял моего друга, он имеет в виду то же самое, что и один оригинальный и весьма своеобразный поэт, утешавший своего героя перед самоубийством: «Нам не уйти из этого мира» (Граббе Д. Хр. Ганнибал. «Да, из мира нам не уйти. Мы в нем однажды». – Прим. ред.). Таким образом, речь идет о чувстве неразрывной связи, принадлежности к мировому целому. Для меня это имеет скорее характер интеллектуального умозрения – конечно, не без сопровождающих чувств, но их ведь хватает и при других мыслительных актах сходной значимости. Личный опыт не убеждает меня в том, что такие чувства первичны по своей природе. Я не могу оспаривать на этом основании факта наличия их у других; вопрос лишь в том, насколько верно они истолковываются и могут ли считаться первоисточником всех религиозных запросов.

Мне нечего предложить для окончательного решения этой проблемы. Идея о непосредственном изначальном оповещении человека этим чувством – о его связи с окружающим миром – звучит столь странно, так плохо совместима с нашей психологией, что следовало бы предпринять психоаналитическое, т. е. генетическое исследование подобного чувства. Тогда в нашем распоряжении следующий путь: в нормальном состоянии для нас нет ничего достовернее чувства самих себя, нашего собственного «Я», кажущегося нам самостоятельным, целост-

ным, ясно отличимым от всего остального. Видимость обманчива, не существует четкой внутренней границы между «Я» и бессознательной душевной субстанцией, обозначаемой нами как «Оно». «Я» для нее служит лишь фасадом – этому научил нас психоанализ. Ему предстоит еще во многом уточнить отношения между «Я» и «Оно», однако по крайней мере в отношениях с внешним миром «Я» кажется отделенным от последнего резкой разграничительной линией. Только в одном, хотя и необычайном, но не патологическом состоянии дело обстоит иначе. На вершине влюбленности граница между «Я» и объектом угрожающе расплывается. Вопреки всякой очевидности влюбленный считает «Я» и «Ты» единым целым и готов вести себя так, будто это соответствует действительности. То, что на время может устранить известная физиологическая функция, может, конечно, быть результатом и безвредных процессов. Из патологии нам известно большое число состояний, когда грань между «Я» и внешним миром делается ненадежной, либо границы пролагаются неверно. Таковы случаи, при которых части нашего собственного тела или даже душевной жизни – наши восприятия, мысли, чувства – кажутся нам как бы чужими, не принадлежащими нашему «Я». Либо те случаи, когда на внешний мир переносится нечто порожденное или явно принадлежащее «Я». Таким образом, чувство «Я» также подвержено нарушениям, а границы «Я» неустойчивы.

Дальнейшие размышления показывают, что чувство «Я» взрослого человека не могло быть таковым с самого начала. Оно должно было пройти долгий путь развития. Понятно это зачастую недоказуемо, но реконструируется с достаточной степенью вероятности. Младенец еще не отличает своего «Я» от внешнего мира как источника приходящих к нему ощущений. Его постепенно обучают этому различные импульсы. Сильнейшее впечатление должно производить на него то, что одни источники возбуждения все время могут посылать ему ощущения (позже он узнает в них органы собственного тела), тогда как другие источники время от времени ускользают. Самый желанный из них – материнская грудь, призвать которую к себе можно только настойчивым криком. Так «Я» противопоставляется некий «объект», нечто находимое «вовне», появляющееся только в результате особого действия. Дальнейшим побуждением к вычленению «Я» из массы ощущений, а тем самым к признанию внешнего мира, являются частые, многообразные и неустраняемые ощущения боли и неудовольствия. К их устранению стремится безраздельно господствующий в психике принцип удовольствия. Так возникает тенденция к отделению «Я» от всего, что может сделаться источником неудовольствия. Все это выносится вовне, а «Я» оказывается инстанцией чистого удовольствия, которому противостоит чуждый и угрожающий ему внешний мир. Границы такого примитивного «Я» – чистого удовольствия – исправляются под давлением опыта. Многие из того, что приносит удовольствие и от чего нельзя отказаться, принадлежит все же не «Я», а «объекту». И наоборот, многие страдания, от которых хотелось бы избавиться, неотделимы от «Я», имеют внутреннее происхождение. Целенаправленная деятельность органов чувств и соответствующих умственных усилий учит человека методам различения внутреннего (принадлежащего «Я») и внешнего, пришедшего из окружающего мира. Тем самым он делает первый шаг к утверждению принципа реальности, который будет управлять дальнейшим его развитием. Такое различение, понятно, служит и практическим целям – защите от угрожающих неприятных ощущений. То обстоятельство, что «Я» способно применять для защиты от внутреннего неудовольствия те же методы, которыми оно пользуется против внешних неприятностей, является исходным пунктом некоторых серьезных психических расстройств.

Так «Я» отделяется от внешнего мира. Вернее, первоначально «Я» включает в себя все, а затем из него выделяется внешний мир. Наше нынешнее чувство «Я» – лишь съжившийся остаток какого-то широкого, даже всеобъемлющего чувства, которое соответствовало неотделимости «Я» от внешнего мира. Если мы примем, что это первичное чувство «Я» в той или иной мере сохранилось в душевной жизни многих людей, то его можно признать своего рода спутником более узкого и ограниченного чувства «Я» в зрелом возрасте. Этим же объясняются

представления о безграничности и связи с мировым целым, именуемые моим другом «океаническим» чувством. Но вправе ли мы из остатков первоначального, существующего наряду с возникшим позже, выводить второе из первого? Конечно, в этом не было бы ничего удивительного – ни в области душевной жизни, ни в любой иной. Мы твердо убеждены, что в животном царстве высокоразвитые виды произошли от низших, причем простейшие формы жизни встречаются и поныне. Гигантские динозавры вымерли, освободив место млекопитающим, но такой представитель этого вида, как крокодил, продолжает здравствовать и сегодня. Эта аналогия может показаться несколько натянутой, да и ущербной, поскольку выжившие низшие виды по большей части не являются истинными предками современных более развитых видов. Промежуточные звенья по большей части вымерли, они известны только по реконструкциям. Напротив, в душевной жизни сохранение примитивного наряду с возникшим из него и преобразованным встречается столь часто, что тут даже можно обойтись без примеров. Происходят перерывы в развитии, какая-то количественно определенная часть влечения остается неизменной, тогда как другая развивается дальше.

Мы затрагиваем тем самым общую проблему сохранения психического, еще почти не разработанную, но столь увлекательную и значимую, что даже без достаточного к тому повода уделим ей толику внимания. С тех пор как мы преодолели заблуждение, будто обычное забывание есть разрушение следа в памяти, иначе говоря уничтожение, мы склонны придерживаться иного взгляда. А именно: в душевной жизни ничто, раз возникнув, не исчезает, все каким-то образом сохраняется и при известных условиях, например в случае далеко зашедшей регрессии, может вновь всплыть на поверхность. Попробуем содержательно пояснить это на примере из другой области. В качестве такой иллюстрации возьмем развитие Вечного Города. Историки учат нас, что древнейший Рим был *Roma quadrata*, огороженным поселением на Палатине. Затем следует период *Septimontium* – объединения поселений на семи холмах, из которых возникает город, границей коего была стена Сервия Туллия, а потом, после всех перестроек республиканского и раннеимперского времен, стены, воздвигнутые императором Аврелианом. Не проследивая далее истории города, зададим себе вопрос: что найдет от этих ранних стадий посетитель сегодняшнего Рима, даже если он снабжен самыми совершенными познаниями истории и топографии. Стену Аврелиана, несмотря на некоторые повреждения и проломы, он увидит почти не изменившейся. Кое-где, благодаря раскопкам, он сможет увидеть остатки вала Сервия. Имея достаточные познания, превосходящие знания современной археологии, он мог бы, наверное, восстановить очертания этих стен по всему периметру, даже контуры *Roma quadrata*. Но от зданий, когда-то заполнявших эти рамки древнего города, он не обнаружит ничего или почти ничего – эти здания более не существуют. Великолепные познания в римской истории в лучшем случае позволят ему установить, где стояли храмы и общественные здания той эпохи. Теперь на их месте руины, да и не самих этих сооружений, а позднейших пристроек после пожаров и разрушений. Нет нужды напоминать, что все эти останки древнего Рима вкраплены сегодня в хаос большого города, возникшего за последние века, начиная с эпохи Возрождения. Конечно, многие древности погребены в городской почве или под современными зданиями. Таков способ сохранения прошлого в исторических городах вроде Рима.

Сделаем теперь фантастическое предположение, будто Рим не место жительства, а наделенное психикой существо со столь же долгим и богатым прошлым, в котором ничто, раз возникнув, не исчезало, а самые последние стадии развития сосуществуют со всеми прежними. В случае Рима это означало бы, что по-прежнему возносились бы ввысь императорский дворец на Палатине и *Septimontium* Септимия Севера, а карнизы замка Ангела украшались теми же прекрасными статуями, как и до нашествия готов, и т. д. Больше того, на месте Палаццо Каффарелли – который, однако, не был бы при этом снесен – по-прежнему стоял бы храм Юпитера Капитолийского, причем не только в своем позднейшем облике, каким его видели в императорском Риме, но и в первоначальном облике, с этрусскими формами, украшенном терракото-

выми антефиксами. Там, где ныне стоит Колизей, можно было бы восхищаться и исчезнувшим Domus Aurea Нерона; на площади Пантеона мы обнаружили бы не только сохраненный для нас Пантеон Адриан – на том же месте находилась бы и первоначальная постройка Агриппы. На одном и том же основании стояли бы церковь Maria Sopra Minerva и древний храм, на месте которого она была построена. И при небольшом изменении угла зрения появлялось бы то одно, то другое здание.

Нет смысла развивать эту фантазию далее: она ведет к чему-то несообразному и даже абсурдному. Историческая последовательность представима лишь посредством пространственной рядоположенности: одно и то же пространство нельзя заполнить дважды. Наша попытка может выглядеть праздной забавой, но тому есть оправдание – она показывает всю сложность передачи душевной жизни с помощью наглядных образов.

Следует предупредить возможный упрек: почему мы избрали для сравнения с душевным прошлым именно историю города? Гипотеза о сохранности всего прошедшего относится и к душевной жизни – при том условии, что не были повреждены органы психики, их ткань не пострадала от травмы или воспаления. Но историю всякого города, даже если у него не столь бурное прошлое, как у Рима, или если он не знал вторжений неприятеля, как Лондон, не миновали разрушительные воздействия, сравнимые с указанными причинами заболевания. Самое мирное развитие любого города всегда сопровождается разрушением и сносом зданий, и уже поэтому история города изначально несопоставима с душевным организмом.

Это возражение заставляет нас оставить яркую палитру контрастов; мы обращаемся к более близкому объекту сравнения, каковым является тело животного или человека. Но и здесь мы сталкиваемся с чем-то сходным. Ранние стадии развития никоим образом не сохранились, они стали строительным материалом для более поздних форм и растворились в них. Зародыш исчез во взрослом теле, загрудинная железа ребенка после достижения им половой зрелости заменяется соединительной тканью, но как таковая более не существует. В полых костях взрослого можно узнать очертания костей ребенка, но последние принадлежат прошлому, они вытягивались и утолщались, пока не приобрели окончательную форму. Сохранение всех ранних стадий, наряду с завершенными, возможно лишь в душевной жизни, а мы не в состоянии наглядно это представить.

Возможно, мы заходим слишком далеко с предположениями такого рода, и нам следовало бы удовлетвориться утверждением, что прошлое может сохраняться в душевной жизни, что здесь нет неизбежного разрушения. Вероятно, в психике многих стариков – в виде нормы или исключения – все настолько стирается или разъедается, что прошлого уже никак не оживить и не восстановить. Быть может, сохранение вообще связано с определенными благоприятными условиями. Вполне возможно, но об этом мы ничего не знаем. Поэтому нам следует твердо держаться того, что сохранение прошлого в душевной жизни есть скорее правило, нежели исключение.

Если мы готовы полностью принять наличие «океанического» чувства у многих людей и склонны сводить его к ранней стадии чувства «Я», то возникает следующий вопрос: может ли такое чувство притязать на роль источника религиозных потребностей? Такое притязание не кажется мне убедительным. Чувство может служить источником энергии лишь в том случае, если само оно является выражением какой-то сильной потребности. Мне кажется неопровержимым выведение религиозных нужд из детской беспомощности и связанного с нею обожания отца. Тем более что это чувство не только проистекает из детства, но и в дальнейшем поддерживается страхом перед всемогуществом судьбы. Мне трудно привести другой пример столь же сильной в детстве потребности, как нужда в отцовской защите. Поэтому роль «океанического» чувства второстепенна, оно могло бы служить только восстановлению безграничного нарциссизма. Мы в состоянии четко проследить первоисточки религиозных воззрений вплоть

до чувства детской беспомощности. За ним может скрываться что-нибудь еще, но пока все это окутано густым туманом.

Я допускаю, что в дальнейшем «океаническое» чувство оказалось связанным с религией. Единство со всем сущим (его идейное содержание) выступает как первая попытка религиозного утешения, как еще один способ отрицания той опасности, которая угрожает «Я» со стороны внешнего мира. Признаюсь, мне трудно оперировать этими едва уловимыми величинами. Другой мой друг, неутолимая жажда знаний которого привела к самым необычным экспериментам и сделала его чуть ли не всеведущим, уверял меня, что практика йоги действительно может пробудить такие новые ощущения и чувство всеобщности (отключением от внешнего мира, концентрацией внимания на телесных функциях, особыми дыхательными упражнениями). Он склонен считать это регрессией к древнейшим состояниям душевной жизни, уже давно покрытым позднейшими наслоениями. В этом он видит, так сказать, физиологическое обоснование мистической премудрости. На первый план здесь выступает связь с многообразными темными проявлениями души, такими как транс и экстаз. Меня это заставляет лишь вспомнить слова из «Ныряльщика» Шиллера: «Блажен, кто там дышит в розовом свете».

II

В моей работе «Будущее одной иллюзии» речь шла не столько о глубинных истоках религиозного чувства, сколько о религии обычных людей – системе догм и обещаний, которая, с одной стороны, с завидной полнотой объясняет загадки этого мира, с другой же – уверяет человека в том, что заботливое Провидение стоит на страже его жизни и возместит ему лишения посюстороннего существования. Это Провидение обычный человек представляет не иначе как в облике чрезвычайно возвеличенного отца. Только ему ведомы нужды детей человеческих, а они могут его умиловить мольбами и знаками раскаяния. Все это настолько инфантильно, так далеко от действительности, что стороннику гуманистических убеждений становится больно от одной мысли о том, что подавляющее большинство смертных никогда не поднимется над подобным пониманием жизни. Но еще постыднее попытки защиты религии большим числом наших современников, которые должны были бы видеть, что такой религии нельзя придерживаться. Они отстаивают ее пункт за пунктом в жалких арьергардных боях. Может возникнуть даже желание влиться в ряды верующих, чтобы напомнить философам, спасающим Бога религии, заменяя его безличным, прозрачно абстрактным принципом, о предостережении: «Не поминай всуе имени Господа Бога твоего!». Не стоило бы им ссылаться на иных великих мыслителей прошлого – известно, почему тем приходилось делать нечто подобное.

Вернемся к нашему обычному человеку и его религии – единственной, которая заслуживает этого имени. Тут можно вспомнить известное высказывание одного из наших великих поэтов и мудрецов, Иоганна Гёте, который так выразился об отношении религии к искусству и науке:

Кто владеет наукой и искусством,
Тот владеет и религией;
Кто лишен их обоих,
Тому остается религия.

Это изречение, с одной стороны, противопоставляет религию двум величайшим достижениям человеческого рода, а с другой стороны, предполагает, что они сопоставимы по своей жизненной ценности, могут заменять друг друга. Если мы хотим удалить от религии даже рядового человека, то авторитет поэта явно не на нашей стороне. Изберем поэтому такой путь, который мог бы нас приблизить к высотам его мысли. Данная нам жизнь слишком тяжела, она приносит нам слишком много боли, разочарований, неразрешимых проблем. Чтобы ее вынести, нам не обойтись без облегчающих средств (как говаривал Теодор Фонтане, нам не обойтись без вспомогательных конструкций). Такие средства, по всей видимости, подразделяются на три группы: сильное отвлечение, позволяющее нам едва замечать свои несчастья; заменители удовлетворения, несколько их уменьшающие; и наркотики, делающие несчастья неощутимыми. Что-нибудь подобное всегда необходимо. На отвлечения указывал Вольтер, когда под конец «Кандида» давал совет возделывать свой сад. Таким же отвлечением является и научная деятельность. Заменители удовлетворения, предлагаемые, например, искусством, при всей своей иллюзорности психически действительны благодаря той роли, которую играет фантазия в душевной жизни. Наркотические средства оказывают влияние на наше тело, изменяют его химизм. Не так уж просто определить место религии в этом ряду, для этого нам нужно начать издали.

Вопрос о смысле человеческой жизни ставился бесчисленное количество раз; удовлетворительный ответ на него пока что не был найден, может быть, его вообще не найти. Некоторые из вопрошавших добавляли: если жизнь не имеет никакого смысла, то она теряет для

них всякую ценность. Но угроза такого рода ничего не меняет. Скорее, может показаться, что мы вправе отклонить этот вопрос. Его предпосылкой является человеческое самомнение, с многообразными проявлениями которого мы уже знакомы. Ведь не говорят о смысле жизни животных, разве что в связи с их предназначением служить человеку. Но и это несостоятельно, поскольку он не знает, что ему делать со многими животными, помимо их описания, классификации, изучения. Бесчисленные виды животных избежали, однако, даже подобного применения, так как жили и вымерли еще до того, как за них взялся человек. Только религия берется отвечать на вопрос о смысле жизни. Мы вряд ли ошибемся, если скажем, что идея смысла жизни возникает вместе с религиозными системами и рушится вместе с ними.

Мы обратимся поэтому к более скромному вопросу: что сами люди полагают целью и смыслом жизни, если судить по их поведению, чего они требуют от жизни, чего хотят в ней достичь? Отвечая на этот вопрос, трудно ошибиться: они стремятся к счастью, они хотят стать и пребывать счастливыми. Две стороны этого стремления – положительная и отрицательная цели; с одной стороны, отсутствие боли и неудовольствия, с другой – переживание сильного чувства удовольствия. В узком смысле слова под «счастьем» понимается только последнее. В соответствии с этим удвоением цели деятельность людей идет по двум направлениям в зависимости от того, какую из этих целей – преимущественно или даже исключительно – стремится осуществить деятельность.

Как мы видим, цель жизни просто задана принципом удовольствия. Этот принцип с самого начала руководит работой душевного аппарата; не подлежит сомнению его целенаправленность, и все же программа принципа удовольствия вступает в противоречие со всем миром, как с макрокосмом, так и с микрокосмом. Она вообще неосуществима, ей противостоит все устройство Вселенной: можно было бы сказать, что намерение «осчастливить» человека не входит в планы «творения». То, что в строгом смысле слова называется счастьем, происходит скорее из внезапного удовлетворения, разрядки, достигшей высокого уровня напряжения потребности. По самой своей природе это возможно только как эпизодическое явление. Любое постоянство, длительность ситуации, страстно желательной с точки зрения принципа удовольствия, вызывает у нас лишь чувство равнодушного довольства. Мы устроены таким образом, что способны наслаждаться лишь при наличии контраста и в малой степени самим состоянием. Гёте даже предупреждал: «Нет ничего менее переносимого, чем вереница хороших дней». Быть может, это все-таки преувеличение. Так что возможности нашего счастья ограничиваются уже нашей конституцией. Куда меньше трудностей с испытанием несчастья. С трех сторон нам угрожают страдания: со стороны нашего собственного тела, приговоренного к упадку и разложению, предупредительными сигналами которых являются боль и страх – без них нам тоже не обойтись. Со стороны внешнего мира, который может яростно обрушить на нас свои огромные, неумолимые и разрушительные силы. И наконец, со стороны наших отношений с другими людьми. Страдания, истекающие из последнего источника, вероятно, воспринимаются нами болезненнее всех остальных; мы склонны считать их каким-то излишеством, хотя они ничуть не менее неизбежны и неотвратимы, чем страдания иного происхождения.

Неудивительно поэтому, что под давлением этих потенциальных страданий люди несколько умеряют свои притязания на счастье. Подобно тому как сам принцип удовольствия под влиянием внешнего мира преобразуется в более скромный принцип реальности, мы уже считаем себя счастливыми, если нам удалось избежать несчастья, превозмочь страдания. Задача избежать страдания вытесняет на второй план стремление к удовольствию. Размышление подводит нас к пониманию того, что к решению этой задачи ведут разные пути; все они рекомендовались различными школами житейской мудрости и были испробованы людьми. Ничем не ограниченное удовлетворение всех нужд выдвигается как самый что ни на есть соблазнительный образ жизни, но такая программа ставит наслаждение выше осторожности, что слишком быстро ведет к наказанию. Другие методы, основной целью которых является

уклонение от неудовольствия, различаются в зависимости от того, какому источнику неудовольствия уделяется основное внимание. Имеются крайние и умеренные методы, односторонние или действующие сразу по нескольким направлениям. Добровольное одиночество, уход от других людей является самым обычным видом защиты от страдания, возникающего во взаимоотношениях между людьми. Если задача защиты от угроз внешнего мира ставится исключительно перед самим собой, но нет иного пути, кроме какого-нибудь ухода от мира. Конечно, есть иной и лучший путь: в качестве члена человеческого общества с помощью науки и техники перейти в наступление на природу и подчинить ее человеческой воле. Тогда человек действует со всеми и ради счастья всех. Самыми интересными методами предотвращения страданий являются, однако, методы воздействия на собственный организм. В конечном счете любое страдание есть лишь наше ощущение, оно существует только потому, что мы его испытываем вследствие определенного устройства нашего организма.

Самым грубым, но и наиболее действенным методом является химическое воздействие, интоксикация. Не думаю, что кому-либо удалось разгадать его механизм, но мы имеем дело с фактом существования чуждых организму веществ, наличие которых в крови и тканях вызывает у нас непосредственное чувство удовольствия; к тому же оно так изменяет нашу чувствительность, что мы теряем способность ощущать неприятное. Оба эти воздействия не только одновременны, они кажутся и внутренне взаимосвязанными. В нашем собственном химизме, однако, должны существовать вещества, действующие подобным же образом. Мы знаем по крайней мере одно болезненное состояние – манию, при котором поведение напоминает воздействие наркотиков без их реального употребления. Кроме того, наша нормальная душевная жизнь представляет собой колебание между легкими и отягощенными формами разрядки чувства наслаждения, параллельно которым уменьшается или увеличивается чувствительность к неприятному. Очень жаль, что эта токсическая сторона душевных процессов до сих пор ускользала от научного исследования. Действие наркотиков в борьбе за счастье и избавление от бедствий оценивается как такое благодеяние, что и индивиды, и целые народы отводят им почетное место в своей экономике либидо. Наркотикам благодарны не только за непосредственное удовольствие, но также за высокую степень независимости от внешнего мира. С помощью этого «освободителя от забот» можно в любое время уклониться от гнета реальности и найти прибежище в своем собственном мире, где условия получения ощущений отличаются в лучшую сторону. Известно, что именно с этим свойством наркотиков связаны их опасность и вредность. Временами они повинны в том, что впустую растрачивается большое количество энергии, которую можно было бы употребить для улучшения человеческого удела.

Сложное строение нашего душевного аппарата допускает, однако, целый ряд иных воздействий. Удовлетворение влечений дает нам не только счастье, оно представляет собой и первопричину тяжчайших страданий, когда внешний мир отказывает нам в удовлетворении потребностей и обрекает на лишения. Поэтому можно надеяться на освобождение от части страданий путем воздействия на эти влечения. Такого рода защита от страданий направлена уже не на аппарат ощущений, она желает подчинить внутренние источники потребностей. Крайним случаем такой защиты является умерщвление влечений, как тому учит восточная мудрость и как это осуществляет на практике йога. Если это удастся, то тем самым достигается и отречение от любой другой деятельности (в жертву приносится жизнь), и мы иным путем достигаем опять-таки лишь счастья покоя. На этом пути можно ставить умеренные цели, скажем, когда стремятся только к контролю над жизнью наших влечений. Господствующими становятся в таком случае высшие психические инстанции, подчиненные принципу реальности. Здесь вовсе нет отречения от цели удовлетворения влечений; определенного рода защита против страданий достигается благодаря менее болезненному ощущению неудовлетворенности контролируемых влечений в сравнении с необузданными первичными влечениями. Но следствием этого является и несомненное снижение возможностей наслаждения. Чувство счастья

при удовлетворении диких, не укрощенных «Я» влечений несравнимо интенсивнее, чем насыщение контролируемых влечений. Непреодолимость извращенных импульсов, а может быть и притягательность запретного плода вообще, находят здесь свое экономическое объяснение.

Другая техника защиты от страданий пользуется смещениями либидо, доступными нашему душевному аппарату. Благодаря этому его функционирование становится более гибким. Задача состоит в такого рода смещении целей влечений, чтобы они не сталкивались с отказом со стороны внешнего мира, чему способствует сублимация влечений. Человек достигает больше всего, повысив уровень наслаждения от психической и интеллектуальной работы. Тогда судьба мало чем может ему повредить. Такое удовлетворение, как, например, радость творчества художника при воплощении образов своей фантазии или радость ученого при решении проблем и познании истины, обладают особым качеством, которое нам, наверно, удастся когда-нибудь охарактеризовать с точки зрения метапсихологии. Сейчас мы можем лишь образно сказать, что они кажутся нам самыми «утонченными и возвышенными», но их интенсивность невысока в сравнении с грубыми первичными влечениями; они не потрясают нашу плоть. Слабость этого метода состоит в том, что его применимость не универсальна. Он доступен лишь немногим людям, предполагает наличие особых, не слишком часто встречающихся способностей и дарований. Но и этим немногим избранным он не обеспечивает совершенной защиты от страданий: он не одевает их в латы, непроницаемые для стрел судьбы, и отказывает, как только источником страданий оказывается собственная плоть. Если уже этот метод дает наглядное представление о стремлении сделаться независимым от внешнего мира, о поисках удовлетворения во внутреннем мире психических процессов, то в следующем методе защиты от страданий эти черты еще более усиливаются. Связь с реальностью здесь еще меньше, удовлетворение достигается за счет иллюзий, признаваемых как таковые людьми, что не мешает им тем не менее находить наслаждение в уклонении от реальности. Эти иллюзии суть порождения фантазии. В свое время, когда завершалось развитие аппарата восприятия реальности, фантазия осталась за пределами требований проверки представлений действительностью и сохранилась как иллюзорное исполнение труднодостижимых желаний. На самой вершине такого рода фантастических удовлетворений стоит наслаждение произведениями искусства; посредством художника это наслаждение становится доступным и для нетворческой личности. Любому восприимчивому к воздействию искусства человеку оно знакомо как незаменимый источник наслаждения и утешения. Но легкий наркоз, в который нас погружает искусство, дает не больше, чем мимолетное отвлечение от тягот жизни. Он недостаточно силен, чтобы заставить нас забыть о реальных бедах.

Энергичнее и основательнее другой метод, который видит единственного врага в реальности, являющейся источником всех страданий, – с нею невозможно сосуществовать, с нею нужно порвать всякие отношения, чтобы хоть в каком-то смысле быть счастливым. Отшельник отворачивается от мира, он не хочет иметь с ним дела. Но можно подвигнуться на большее, можно возжелать переделать мир, создать вместо него другой, в котором были бы уничтожены самые невыносимые его черты – они заменяются на другие, соответствующие нашим желаниям. Тот, кто в отчаянном бунте становится на этот путь, как правило, ничего не достигает: действительность слишком сильна для него. Он становится безумцем и чаще всего не находит себе помощников в попытках реализации своих иллюзий. Впрочем, можно предположить, что у каждого из нас есть свой «пунктик», и мы ведем себя подобно параноику, желая своими мечтаниями исправить ту или иную невыносимую сторону мира, привнося свои иллюзии в реальность. На особую значимость претендует тот случай, когда множество людей совместными усилиями пытаются обеспечить себе счастье и защиту от страданий путем иллюзорного преобразования действительности. Мы должны признать религии человечества видами такого массового безумия. Естественно, каждый, сопричастный этому безумию, таковым себя не считает.

Я не думаю, что этот список методов обретения счастья и избегания страданий является исчерпывающим; знаю также, что этот материал допускает и иную классификацию. Мною пока что не приводился один из методов не потому, что я о нем забыл, но по той причине, что мы к нему еще обратимся в иной связи. Да и как можно забыть об этой технике искусства жизни! Она отличается удивительным соединением весьма своеобразных черт. Естественно, ее целью также является достижение независимости от судьбы – назовем ее так за неимением лучшего – и для этого переносит удовлетворение во внутренние душевные процессы, пользуясь при этом вышеупомянутым свойством перемещаемости либидо. Правда, либидо теперь не отворачивается от внешнего мира, а напротив, цепляется за объекты мира и обретает счастье в чувственной к нему привязанности. Эта техника не довольствуется целями усталого примирения с миром – избегания страданий. Скорее, она обходит такую цель стороной и твердо держится изначального стремления к положительному достижению счастья. Быть может, она подходит к этой цели ближе, чем любой другой метод. Я имею в виду, конечно, ту жизненную ориентацию, которая ставит в центр любовь и ожидает, что всякое удовлетворение будет следствием главного: любить и быть любимым. Такая психическая установка всем нам слишком хорошо известна; одна из форм любви – половая любовь – дала нам прообраз наших стремлений к счастью, приобщив нас к сильнейшему опыту потрясающего наслаждения. Вполне естественно, что мы упорно ищем счастья на том пути, где оно нам встретилось впервые. Слабая сторона этой техники жизни очевидна, иначе кому бы пришлось в голову променять этот путь к счастью на другой. Никогда мы не оказываемся столь незащитными перед лицом страдания, чем когда любим; никогда не бываем столь безнадежно несчастными, как при потере любимого существа или его любви. Этим не исчерпывается техника жизни, основанная на любви как средстве достижения счастья, – о ней еще многое можно было бы сказать.

К этому присоединяется интересное обстоятельство: жизненное счастье ищут преимущественно в наслаждении прекрасным, где бы оно ни представало перед нашими чувствами или нашим рассудком, – красота человеческих форм и жестов, природных объектов или ландшафтов, красота в художественных или даже в научных творениях. Эстетическая установка как жизненная цель не дает нам подлинной защиты от угрозы страданий, но она обещает нам ряд компенсаций. Наслаждение прекрасным обладает особым, слегка наркотизирующим характером ощущений. Польза прекрасного не слишком ясна, его культурная ценность тоже не очевидна, и все же без него культуре не обойтись. Эстетика как наука изучает условия ощущения прекрасного; о природе и происхождении прекрасного она ничего не может сказать. Как повелось, отсутствие результатов прикрывается высокопарной и бессодержательной болтовней. К сожалению, и психоанализ может немного уяснить в природе прекрасного. Только производность прекрасного от области сексуальных ощущений кажется установленной: она могла бы считаться превосходным примером заторможенного по цели влечения. «Прекрасное» и «возбуждающее» суть изначальные свойства сексуального объекта. Заслуживает внимания тот факт, что сами половые органы, вид которых вызывает возбуждение, почти никогда не считались красивыми; характер прекрасного связывался с известными вторичными половыми признаками.

Несмотря на неполноту анализа, я все же осмелюсь сделать несколько заключительных замечаний в связи с темой нашего исследования. Программа стать счастливым, к которой нас принуждает принцип удовольствия, неисполнима, и все же мы не должны – нет, мы не можем – отказаться от стараний хоть как-нибудь ее исполнить. Можно избрать самые различные пути, будь они позитивными по содержанию цели (стремление к наслаждению) или негативными (избегание страданий). Ни на одном из них нам не достигнуть желанного результата. Счастье – в том умеренном смысле, в каком мы можем признать его возможным, – есть проблема индивидуальной экономии либидо. Здесь невозможен совет, который подходил бы всем: каждый должен кроить себе счастье на собственный фасон. Самые разнообразные факторы скажутся

на том, какой путь будет избран. Это зависит и от того, какое реальное удовлетворение может ожидать человек от внешнего мира, в какой степени он готов сделаться от него зависимым, наконец, на какие собственные силы он рассчитывает, чтобы изменить внешний мир в соответствии со своими чаяниями. Уже поэтому кроме внешних связей с миром решающее значение приобретает психическая конституция индивида. Человек преимущественно эротический поставит на первое место чувственные отношения с другими личностями; человек с преобладанием нарциссического сначала будет искать удовлетворения прежде всего в своих внутренних душевных процессах; человек действия будет держаться внешнего мира, на котором он может испытать свои силы. Для человека, находящегося посередине между этими типами, направленность интересов определяется родом его одаренности и мерой возможной для него сублимации влечений. Всякое крайнее решение ведет к наказанию, оно подвергает опасности из-за недостаточности любой техники жизни, исключаяющей все остальные. Подобно тому как осмотрительный купец остерегается вкладывать весь свой капитал в одно дело, точно так же и житейская мудрость дает совет не ждать полной удовлетворенности от одного стремления. Успех никогда не обеспечен, он зависит от соединения разнородных моментов, причем, видимо, ни от одного другого в такой мере, как от способности психического аппарата приспособлять свои функции к окружающему миру и использовать их для получения наслаждения. Тому, кто с рождения получил особенно неблагоприятную конституцию влечений и не произвел в дальнейшем правильного преобразования и упорядочения компонентов либидо, будет трудно достичь счастья во внешнем мире, в особенности если перед ним будут стоять сложные задачи. Последней техникой жизни, обещающей ему хотя бы эрзац удовлетворения, остается бегство в невроз, что и происходит зачастую уже в юные годы. Тот, кто видит крушение своих стремлений к счастью в более позднем возрасте, находит утешение в наслаждении хронической интоксикацией либо предпринимает отчаянную попытку бунта – психоз. Я вынужден указать хотя бы на один пробел, оставленный тем, что было выше изложено. Рассматривая возможности счастья для человека, нельзя пропускать относительную взаимосвязь нарциссизма и направленного на объект либидо. Желательно выяснить, какое значение для экономии либидо имеет эта направленность на самого себя.

Религия препятствует этой игре выбора и приспособления, так как она навязывает всем в равной степени свой путь достижения счастья и защиты от страданий. Ее техника состоит в умалении ценности жизни и иллюзорном искажении реальной картины мира – его предпосылкой является запугивание интеллекта. Ценой насильственной фиксации психического инфантилизма и включения в систему массового безумия религии удается спасти многих людей от индивидуального невроза. Но не более того – как уже было сказано выше, к счастью ведут многие доступные людям пути, хотя ни один из них не приводит к нему наверняка. Не держит своих обещаний и религия. Когда верующий в конце концов обнаруживает, что вынужден говорить о «неисповедимых путях Господних», то тем самым он признает последним утешением в страданиях и источником наслаждения только безусловную покорность. Если он готов на это, наверное, он мог бы обойтись и без окольных путей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.